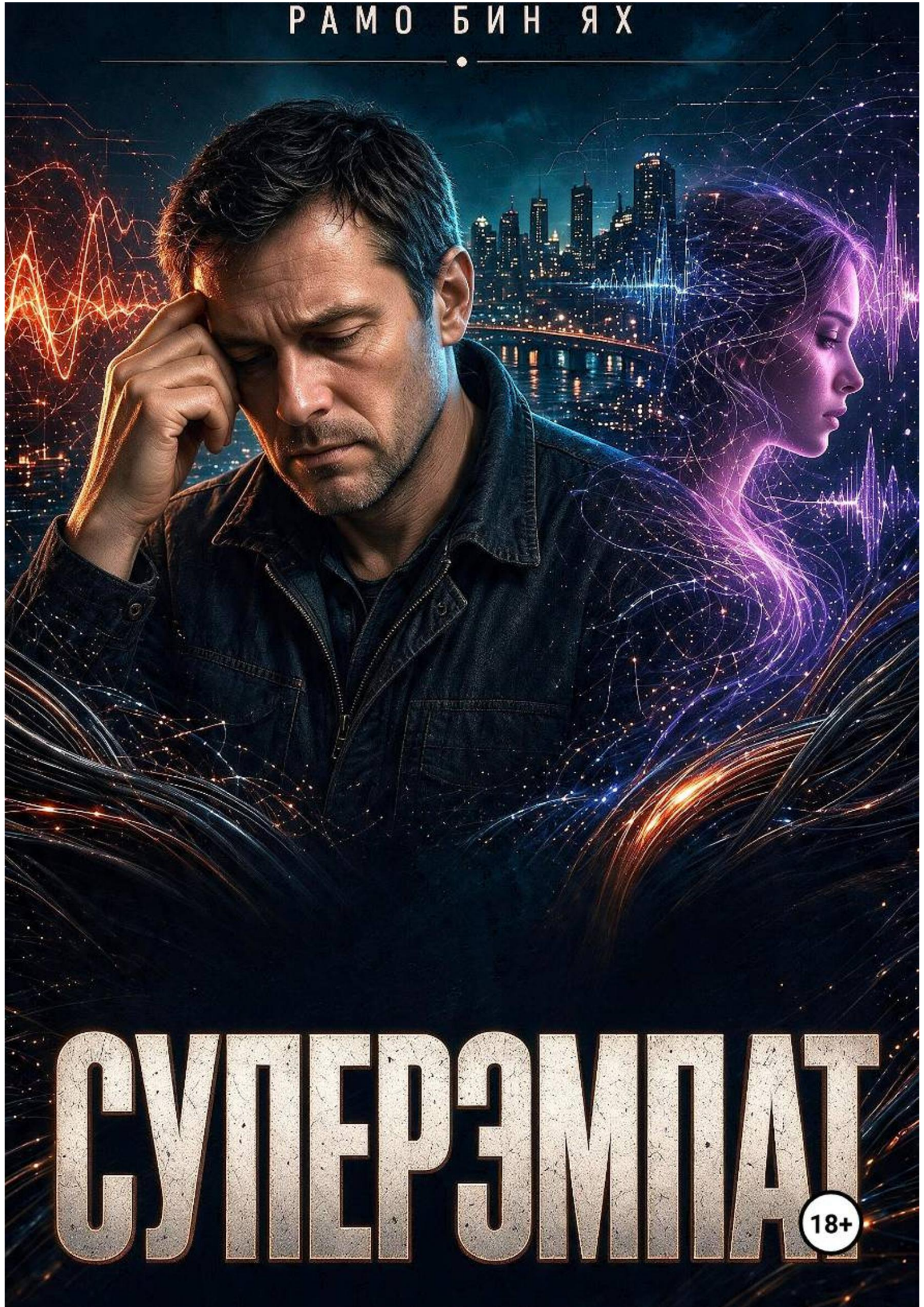

РАМО БИН ЯХ

СУПЕРЭМПАТ

18+

Рамо Бин Ях
Суперэмпат

«Автор»

2026

Бин Ях Р.

Суперэмпат / Р. Бин Ях — «Автор», 2026

Сорокалетний Олег — обычный техник красноярской интернет-компании «Домоника», обеспечивающий работоспособность кабельных сетей. Но за привычной спецовкой скрывается уникальный дар: Олег — суперэмпат, живущий без ментальной кожи. Мегаполис обрушивает на него терабайты чужого шума: раскаленный адреналин высоток Взлётки, тихую меланхолию центра и багровую ярость окраин. Годами он прятался от этого хаоса в темной однушке на Пашенном, пока не встретил Вадима, лидера тайной сети «Связистов» Красноярска, и новую сотрудницу Юлю, чье искрящееся от боли поле изменило его жизнь. Освоив техники заземления и частотных фильтров, Олег превращает свое проклятие в мощное оружие. Теперь его парный контур с Юлей — единственный барьер на пути ментального взрыва, способного ослепить город. Это история о проводах и душах, о поиске тишины среди миллионного гула и о том, что любую оборванную человеческую линию связи можно восстановить, если найти правильную частоту любви.

© Бин Ях Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Экранированная комната	6
Обрыв на линии	8
Маршрут № 65. Слияние	10
Проспект Мира и стекло Взлётки	12
Абсолютный ноль	14
Тамбовская. На грани фолла	17
Эхо на линии	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Суперэмпат

От автора

Важное примечание:

Данная история — художественный вымысел. Имена героев, названия компаний (включая компанию «Домоника») и сюжетные линии созданы воображением автора. Любые совпадения с реальными людьми, их судьбами, местами работы или жизненными ситуациями в Красноярске — не более чем случайность.

Перед тем как вы перевернете страницу и погрузитесь в историю Олега, я хочу попросить вас сделать одну простую вещь. Прислушайтесь. Прямо сейчас, в эту самую секунду, мир вокруг вас не просто шумит — он вибрирует на миллионах невидимых частот. Через стены вашей комнаты, через ваше тело и сознание проходят терабайты цифровых данных: чьи-то текстовые сообщения, рабочие дедлайны, лайки в социальных сетях и бесконечные гигабайты видеотрафика. Но гораздо важнее другое. Вместе с радиоволнами и импульсами в оптических кабелях мегаполис генерирует колоссальный, удушливый объем человеческих эмоций. Каждый день спальные районы выдыхают в пространство терабайты скрытой боли, застарелых обид, панического страха одиночества и ядовитой офисной злости. Обычный человек защищен от этого ментального смога биологической броней — его фильтры работают автоматически, превращая чужие жизни в невнятный фоновый шум. Но что, если этой брони нет? Что, если вы родились без ментальной кожи? Эта книга — о сорокалетнем Олеге, технике красноярской интернет-компании «Домоника». Человеке, который каждый день спускается в сырые кабельные коллекторы и поднимается в душные хрущевки, чтобы чинить оборванные провода. Для всего мира он — обычный молчаливый мужчина в спецовке. Но внутри него работает гигантский, оголенный приемник высокого напряжения, способный считывать чужую боль до малейших нюансов. В мире, где каждый тянет одеяло эгоцентризма на себя, Олег — суперэмпат, вынужденный пропускать через себя электрические разряды чужих судеб. Вы увидите Красноярск не через призму его архитектуры, а через его эмоциональную карту: от раскаленного, хищного адреналина высоток Взмётки до благородной, тягучей меланхолии старых «сталинок» проспекта Мира и ледяного отчаяния окраин Семафорной. Это история о том, как хрупкий человеческий дар, который долгие годы казался проклятием и заставлял прятаться в темной съемной однушке на Пашенном, превращается в уникальный инструмент спасения мегаполиса. Это роман о проводах и душах. О технике «Кабель заземления», частотных фильтрах и о том, что любая, даже самая разрушенная и искрящая человеческая линия связи может быть восстановлена, если на другом конце провода появится тот, кто умеет по-настоящему слушать. Добро пожаловать на линию. Гудок ровный. Связь установлена.

Экранированная комната

Каждый вечер Олег возвращался домой с одной-единственной целью — оглохнуть. В свои сорок лет он научился ценить тишину так, как слепые ценят свет. Его однокомнатная квартира на девятом этаже панельного дома на Пашенном была его личной клеткой Фарадея, хотя никакой специальной фольги на стенах, конечно, не было. Были плотные темно-серые шторы, которые никогда не открывались до конца, старый ворсистый ковер, глушащий шаги, и полное отсутствие телевизора. Олег разулся, аккуратно поставил тяжелые рабочие ботинки с железным носком и прижался лбом к прохладной поверхности зеркала в прихожей. В зеркале отражалось уставшее лицо с первыми глубокими морщинами у глаз и преждевременной седой на висках. Обычное лицо человека, которого никто не заметит в толпе. Техник кабельных сетей. Мужчина в спецовке с логотипом крупного провайдера. Но внутри этого обычного лица сейчас медленно оседала чужая пыль. Сегодняшний день был тяжелым. Пять вызовов. Пять чужих вселенных, в которые ему пришлось погрузиться, пока он прозванивал медные пары и обжимал коннекторы RJ-45. Олег закрыл глаза и почувствовал, как в левом виске до сих пор бьется глухая, тупая обида. Это была не его обида. Она принадлежала грузной женщине из пятидесятой квартиры на улице Воронова. У неё не работал домашний телефон — старая аналоговая линия, которая держалась на честном слове и ржавых распределительных коробках в подъезде. Пока Олег зачищал контакты, женщина стояла у него за спиной. Она не произнесла ни слова, но Олег кожей чувствовал, как от неё исходят тяжелые, удушливые волны одиночества и ярости на сына, который не звонил ей уже три недели. Эта ментальная тяжесть была такой плотной, что у Олега перехватило дыхание. Он закончил работу за три минуты, проверил зуммер в трубке — чистый, ровный гудок — и почти выбежал в подъезд, глотая холодный воздух, пахнувший мусоропроводом. А потом была новостройка на Взлётке. Квартира-студия с панорамными окнами. Молодой парень, IT-специалист, у которого «лагал пинг в онлайн-игре». Там воздух буквально звенел от раскаленного, почти детского эгоцентризма и панического страха не успеть, отстать, показаться лузером. Олег менял патч-корд, а его собственное сердце начинало стучать в бешеном, чужом ритме, разгоняя по венам адреналин двадцатипятилетнего незнакомца. Олег вздохнул, оторвался от зеркала и прошел на кухню. Он не включал свет — за окном Красноярск уже зажигал свои ядовито-оранжевые сумерки, и этого полусвета хватало. Он набрал в чайник воды. Звук струи, бьющей о металлическое дно, немного заземлил его. Быть суперэмпатом в сорок лет — это значит не иметь кожи. Ты чувствуешь город как огромный, ворочающийся живой организм. Когда Енисей парит в сорокоградусный мороз, Олегу кажется, что это выдыхает сам город — выдыхает усталость сотен тысяч людей, застрявших в пробках на Коммунальном мосту. Когда над районами повисает черный смог «черного неба», Олег чувствует не только першение в горле, он чувствует коллективную, глухую депрессию спальных кварталов. Телефон в кармане куртки завибрировал. Олег вздрогнул. На экране высветилось имя диспетчера: «Татьяна.». Он замер, глядя на мигающий экран. Ему не нужно было брать трубку, чтобы понять: Татьяна сейчас взвинчена. У неё горели сроки по закрытию заявок в конце месяца, начальник участка устроил ей разнос, и сейчас она искала, на кого слить это липкое, горячее раздражение. Вибрация телефона отзывалась в ладони Олега неприятным зудом. Он имел полное право не брать трубку — его смена закончилась двадцать минут назад. Но проводная связь и интернет в некоторых домах правобережья были оборваны из-за упавшего дерева. А люди там сейчас сидели в темноте и информационной изоляции, медленно погружаясь в тревогу. Олег нажал кнопку ответа. — Да, Тань, — тихо сказал он, прижимая трубку к уху и приготовившись принять первый удар чужого стресса.

Диспетчер Татьяна выдохнула в трубку так шумно, словно только что бежала в гору. Вместе с этим звуком через динамик телефона на Олега хлынула волна чужого, раскаленного цейтнота. Он почти физически ощутил, как у неё сводит мышцы шеи и как дрожат пальцы, кликающие мышкой по строчкам в старой CRM-системе «Домоники». — Олечка, родненький, выручай, — запричитала она, и её голос сорвался на ту самую фальшивую заискивающую ноту, за которой всегда скрывалось жесткое административное давление. — На Семафорной, в районе тридцатых домов, дерево рухнуло, зацепило воздушную линию. Там и наша оптика, и старая «медь» АТС-овская. Вся пятиэтажка без связи. Старшая по дому уже в прокуратуру грозит писать, у неё там какой-то лежащий дед без экстренной кнопки остался. Линейщики все на правом берегу заняты, до утра не доедут. Ну пожалей меня, Коновалов убьет, если я эту заявку на завтра перенесу! Коновалов был их техническим директором — человеком-функцией, от которого веяло холодом KPI, сухими цифрами отчетов и глухим, непрошибаемым равнодушием к людям. Олег вспомнил его плоское, бледное лицо и тяжелый, оценивающий взгляд на утренних планерках. От Коновалова всегда пахло дорогим парфюмом и застарелым, тщательно скрываемым страхом потерять свое кресло. Этот страх директор транслировал на всю вертикаль «Домоники», и сейчас Татьяна просто перенаправляла этот чужой страх дальше по цепочке — Олегу. — Хорошо, Тань. Скидывай адрес в приложение. Заеду на склад за кабелем и выдвигаюсь, — тихо ответил Олег. — Ой, спасибо! С меня шоколадка! — выпалила Татьяна и тут же отключилась. Никакой шоколадки, конечно, не будет. Олег знал это наверняка. Как знал и то, что Татьяна прямо сейчас испытала мгновенное, почти физическое облегчение, просто сбросив свой стресс на него. Ей стало легче. А у Олега внутри остался этот липкий, чужой осадок, который теперь нужно было куда-то девать. Он вздохнул, выключил едва закипевший чайник и снова обулся в тяжелые рабочие ботинки. Отношения Олега с коллективом в «Домонике» напоминали танец по минному полю. За пять лет работы здесь его считали странным, но безотказным. «Олег-молчун», «Олежек-святой», «наш безотказный» — так за глаза называли его коллеги. Они не понимали, почему он никогда не участвует в курилках в бурных обсуждениях начальства, почему не пьет пиво по пятницам в баре на Предмостной площади и почему всегда соглашается на сверхурочные. Они думали, что ему просто нужны деньги или что у него нет личной жизни. И в чем-то они были правы — личной жизни у Олега действительно не было, потому что пустить кого-то в свое личное пространство означало впустить в себя еще один бесконечный источник чужих эмоций, с которыми он просто не справился бы. Но истинная причина его безотказности была в другом. Для суперэмпата отказать взвинченному, умоляющему человеку — это значит причинить боль самому себе. Физически ощутить чужую обиду, злость или отчаяние, вызванные твоим отказом. Олегу было проще поехать на Семафорную в глухую ночь, под проливной красноярский дождь или в лютый мороз, чем нести в себе тяжелый груз чужого негатива. Это была его защитная реакция: он чинил чужие кабели, чтобы починить чужое душевное равновесие и тем самым вернуть покой самому себе. Он вышел в подъезд. Лифт на девятом этаже привычно загремел. Олег спустился вниз, вышел во двор и направился к своей старенькой, потрепанной «Тойоте», на которой он мотался по вызовам «Домоники». Впереди был долгий вечер на Семафорной — улице, зажатой между железной дорогой и серыми промзонами, где в старых хрущевках жили люди, чьи оборванные провода Олег должен был вернуть к жизни.

Обрыв на линии

Семафорная улица встретила Олега привычным, тяжелым запахом креозота и горького угольного дыма от недалеких ремонтных депо. Эта улица тянулась вдоль путей Транссиба на многие километры, срезая правый берег Красноярска, и всегда казалась Олегу бесконечным транзитным коридором, где люди не жили, а лишь временно укрывались от гула поездов. Он припарковал «Тойоту» у раскисшей от сырости обочины. Огромный старый тополь рухнул прямо между двумя хрущевками, накрыв своей тяжелой, раскидистой кроной ветхий забор и утянув за собой целый пучок кабелей. В темноте, подсвеченной редкими окнами пятиэтажки, оборванные провода свисали со стены, словно перерезанные черные сухожилия. Олег вышел из машины, прихватив тяжелую сумку с инструментами и моток новой «витой пары». Едва его ботинки коснулись асфальта, он почувствовал, как от дома номер 32 идет плотная, пульсирующая волна коллективного раздражения. Это было похоже на низкочастотный гул. Окна дома были темными — вместе со связью дерево, похоже, коротнуло и силовой кабель, лишив людей света. Около десятка жильцов сгрудились у среднего подъезда. В темноте вспыхивали экраны мобильных телефонов, выхватывая бледные, злые лица. — О, еще один явился! — донесся из темноты резкий, прокуренный женский голос. — Из «Домоники» ты, что ли? Час уже стоим, у людей холодильники текут, интернета нет, дети орут! Вы там вообще шевелиться думаете? Олег сделал глубокий вдох, мысленно выстраивая вокруг себя невидимую стеклянную стену. Не помогло. Эмоциональный удар со стороны толпы прошел его насквозь. Это была смесь бытовой ярости, усталости после рабочей смены и липкого страха остаться в изоляции. Его сердце мгновенно сбилось с ритма, подстраиваясь под общую тревогу. В груди разлилась чужая, едкая горечь. — Здравствуйте. Я техник «Домоники», — спокойно, удерживая голос на одной низкой ноте, произнес Олег. — Сейчас все осмотрю. Постараюсь сделать максимально быстро. Он подошел к упавшему дереву. Женщина, которая кричала, шагнула к нему вплотную. Олег почувствовал от неё запах сигарет и резкий, удушливый шлейф личной драмы — глубокой, застарелой обиды на весь мир. Она была старшей по дому. Её звали Валентина Петровна, и её внутреннее поле буквально бомбардировало Олега требованиями, угрозами и жгучим желанием доказать свою значимость. — Быстро он сделает! — язвительно бросила она, но Олег, вместо того чтобы разозлиться в ответ, вдруг ощутил, как за её криком прячется детская беспомощность перед этой темнотой. — У меня в сорок седьмой квартире Николаевич лежит, ветеран труда, у него трубка телефонная не алё! А если скорая понадобится? Ты сообщаем головой-то? — Я начну именно с телефонной линии, Валентина Петровна, — тихо сказал Олег, посмотрев ей прямо в глаза. От того, что он назвал её по имени-отчеству, хотя она не представлялась, женщина на секунду осеклась. Её агрессивное поле на мгновение дрогнуло, сменившись растерянностью. Олег почувствовал, как спало это колючее напряжение, и ему стало чуть легче дышать. Он достал налобный фонарь, включил его и направил луч на распределительную коробку на стене дома. Зрелище было плачевным. Магистральный кабель «Домоники» вырвало с мясом. Старая аналоговая «медь», принадлежащая городской АТС, но обслуживаемая ими по договору, была перебита толстым суком в двух местах. Олег вытащил нож для зачистки изоляции и бокорезы. Пальцы на весеннем красноярском ветру быстро начали замерзать, но он не обращал на это внимания. Работа руками всегда была для него спасением. Когда он зачищал тонкие жилы кабеля — синюю, бело-синюю, оранжевую, бело-оранжевую — его фокус внимания сужался до этих цветных нитей. Чужие эмоции вокруг затихали, превращаясь в невнятный белый шум. Толпа за его спиной постепенно редела. Люди, поняв, что работа пошла, уходили греться в свои темные квартиры. Осталась только Валентина Петровна. Она стояла чуть поодаль, зябко кутаясь в пальто, и молча курила, пуская кольца дыма

в свет фонаря. От неё больше не шло волн злости. Теперь Олег ловил лишь усталое, тупое одиночество пожилого человека, которому просто некуда спешить в этой темной, остывающей пятиэтажке. Олег залез на стремянку, дотянулся до распределительной коробки и начал кропотливо сращивать медные жилы аналоговой линии. Каждая скрутка требовала точности. В этот момент он думал о лежащем Николаевиче из сорок седьмой квартиры. Для этого старика этот тонкий провод был единственной нитью, связывающей его с живым миром. Олег физически чувствовал эту ответственность — не как должностную инструкцию «Домоники», а как физическую необходимость спасти человека от абсолютного одиночества. Через сорок минут кропотливой работы на холоде Олег спустился со стремянки. Руки онемели, но дело было сделано. Оптический кабель интернета он перевесил по временной схеме, пустив в обход упавшего ствола, а телефонный провод аккуратно заизолировал и уложил в гофру. — Валентина Петровна, — окликнул Олег женщину. — Поднимитесь к Николаевичу, проверьте. Гудок должен пойти. И интернет в доме тоже заработал. Она удивленно посмотрела на него, бросила окурок в урну и быстро пошла в подъезд. Олег остался стоять у машины, собирая инструмент. Через пару минут в окнах хрущёвки вспыхнул свет — аварийная бригада электросетей, видимо, тоже закончила работу на подстанции. Валентина Петровна вышла на крыльцо. На её лице уже не было той жесткой маски. — Работает, — негромко сказала она, глядя на Олега как-то растерянно. — Гудит трубка-то. И свет дали... Спасибо тебе, сынок. Извини, что накричала. Навалилось всё. Вместе с этими словами до Олега долетела чистая, теплая волна искренней человеческой благодарности. Это было так редко в его работе. На секунду ему показалось, что вся накопленная за день усталость и чужая грязь просто смылись этим коротким «спасибо». Внутри потеплело. Он сел в машину, завел двигатель и включил печку на максимум. На часах было уже одиннадцать вечера. Город за лобовым стеклом затихал, погружаясь в ночную прохладу. Олег ехал по ночной Семафорной обратно к Коммунальному мосту, зная, что завтра утром его ждет новая смена, новые люди и новый круг чужих жизней, которые ему придется пропустить через себя.

Маршрут № 65. Слияние

Утро для Олега всегда начиналось со звука, который он ненавидел всем сердцем — скрежета старых тормозов. В семь тридцать утра на остановке

«Пашенный», Красноярск засасывал в себя людей, как огромный пылесос. Воздух над Енисеем висел серый, тяжелый от влаги и выхлопных газов. Олег стоял на раскисшем от весенней каши перроне, глубже пряча подбородок в воротник старой куртки. Его личная «Тойота» сегодня не завелась — сел аккумулятор. Это означало только одно: ад. Девять километров до левого берега, в головной офис «Домоники», ему предстояло преодолеть в переполненном автобусе. К остановке, тяжело переваливаясь на ухабах, подкатил ржавый ПАЗ шестьдесят пятого маршрута. Двери со свистом распахнулись. Из салона пахло сырой одеждой, перегаром, дешевым парфюмом и плотным, концентрированным человеческим унынием. Олег выдохнул, мысленно сжался в комок и шагнул внутрь. Двери за его спиной захлопнулись с глухим стуком, отрезая путь к отступлению. Для суперэмпата утренний автобус в час пик — это добровольная пытка. Здесь люди прижаты друг к другу настолько близко, что их ментальные поля сминаются, перекручиваются и образуют одну сплошную, кровоточащую рану. Олег стоял на задней площадке, намертво вцепившись в поручень. Его локоть упирался в спину парня в наушниках, а слева к нему прижималась пожилая женщина в тяжелом драповом пальто. Секунда — и защита Олега, ослабленная коротким четырехчасовым сном, дала трещину. Чужие жизни хлынули в него грязным паводком. Справа, от парня в наушниках, шла ледяная, звенящая паника. Тот лихорадочно листал ленту в телефоне, а в его голове набатом билась одна мысль: «Уволят. Точно уволят. Опоздал третий раз за неделю. Кредит за машину платить нечем». Этот страх был таким острым, что у Олега мгновенно перехватило дыхание, а в желудке завязался тугой, холодный узел. Слева, от пожилой женщины, веяло другой бедой — глухой, тупой, изматывающей физической болью. У неё крутило суставы на погоду, и эта чужая боль тут же отозвалась в коленях Олега ноющей, тянущей судорогой. Он стиснул зубы. Автобус дернулся и въехал на Коммунальный мост. За окном раскинулся могучий, незамерзающий Енисей, окутанный густым белым паром. Город казался призраком. Но внутри ПАЗА кипела своя, удушливая реальность. На середине моста автобус встал в глухую пробку. — Да сколько можно-то, а? Каждый день одно и то же! — вслух прорычал кто-то в центре салона. Этот выкрик сработал как детонатор. Пассажиры зашевелились, по салону прокатился ропот. Олег закрыл глаза. На него обрушился концентрат коллективной ненависти к этому мосту, к этой пробке, к мэрии города, к этой серой весне. Его собственное «я» начало стремительно растворяться в этом шуме. На мгновение ему показалось, что это он, сорокалетний Олег, дико боится увольнения, что это у него невыносимо болят суставы и что это он ненавидит всех вокруг. «Стоп. Это не моё. Это всё не моё», — как заклинание, мысленно повторял он, пытаясь нащупать внутри себя твердую точку. Чистый провод. Ровный гудок АТС. Вчерашний ремонт на Семафорной. Валентину Петровну и её тихое «спасибо». Он уцепился за это воспоминание, как за спасательный круг. Автобус тащился через мост долгие сорок минут. Когда колеса наконец съехали на левый берег, в районе Театральной площади, Олег был полностью опустошен. Из ПАЗА на своей остановке он не вышел, а буквально выпал. Прохладный ветер с реки немного привел его в чувство, но впереди была новая проверка на прочность. Через десять минут он входил в стеклянные двери офиса «Домоники». На часах было 08:45. Начиналась утренняя планерка у технического директора Коновалова. За длинным столом в переговорной уже сидели линейные техники и диспетчеры. Атмосфера здесь разительно отличалась от автобусной. Тут не было хаотичной ярости — здесь царил выверенный, системный страх. На дальнем конце стола сидел сам Коновалов. Перед ним стоял открытый ноутбук, в котором горели

красным невыполненные за сутки заявки. Коновалов не кричал. Он говорил тихо, но от его голоса по комнате распространялась удушливая, парализующая волна давления. Он требовал цифры. Он резал премии. Олег сел на самый крайний стул у двери, стараясь стать невидимкой. Он чувствовал, как Татьяну-диспетчера, сидящую напротив директора, мелко трясет от унижения. Коновалов методично уничтожал её за вчерашние просрочки, даже не пытаясь вникнуть в то, что на Правом берегу упало дерево и порвало магистраль. — Коновалов, — мысленно произнес Олег, глядя на безупречный воротник рубашки директора. — Ты ведь сам боишься. Больше всех нас вместе взятых. Эмпатия Олега сработала как рентген. За маской жесткого, эффективного менеджера он разглядел то, чего не видел никто из коллег: панический страх Коновалова перед звонком из головного офиса в Москве. Директор балансировал на грани увольнения, его личные долги росли, а семейная жизнь трещала по швам. Эта обнаруженная слабость тирана не принесла Олегу радости. Наоборот, ему стало тошно. Оказывается, человек, который ломал жизни подчиненных ради отчетов, сам был точно такой же сломанной, хрупкой деталью в огромном механизме «Домоники». — И последнее, — Коновалов закрыл ноутбук, и этот звук прозвучал как выстрел. — Коновалов Олег... то есть, тезка мой, Коновалов у нас техник Олег. Ты вчера закрыл Семафорную в одиннадцать ночи? Олег поднял глаза. На него уставились все присутствующие. В воздухе зависла смесь зависти коллег (опять выслужился) и мимолетного облегчения Татьяны. — Да. Линия восстановлена. Телефония работает, интернет у жильцов есть, — спокойно ответил Олег. Коновалов пару секунд молча смотрел на него. Его ментальное поле на мгновение выдало короткую вспышку удивления и... глухого раздражения от того, что к этому тихому технику невозможно было придаться. — Хорошо. Можешь, когда хочешь, — сухо буркнул директор. — Заявки на сегодня уже в системе. Свободны. Олег поднялся со стула. Первая битва этого дня была окончена, но впереди был целый день на улицах Красноярска.

Проспект Мира и стекло Вzlётки

День Олега раскололся ровно надвое, словно Енисей, разделивший Красноярск на два абсолютно разных мира. В первой половине дня система «Домоники» забросила его в самый центр города — на проспект Мира, в тихий, скрытый арками двор старой кирпичной «сталинки». Здесь пахло сырой штукатуркой, старыми книгами и вековой, устоявшейся пылью. Заявка значилась по линии старой аналоговой связи: «Периодический треск в трубке». Олег поднялся по скрипучей деревянной лестнице на третий этаж и постучал в массивную дубовую дверь. Ему открыл Аркадий Валерьевич — пожилой профессор физики на пенсии. Человек с тонкими, почти прозрачными пальцами и растрепанными седыми волосами. Едва Олег переступил порог, его обволокло удивительное эмоциональное поле этого дома. Это было не привычное удушливое болото или звенящий стресс, а глубокая, тягучая, похожая на осенний туман меланхолия. Профессор страдал от одиночества, но это было благородное, тихое одиночество человека, который прожил долгую жизнь и теперь мысленно перебирал воспоминания, как старые фотографии. — Проходите, молодой человек, — тихо сказал старик. — Телефон на тумбочке в коридоре. Знаете, он иногда начинает плакать. Издаёт такие странные, прерывистые звуки... Олег присел у тумбочки, снял трубку тяжелого бакелитового аппарата и прижал к уху. В трубке действительно стоял ровный, монотонный гудок, сквозь который пробивался отчетливый шлепающий треск. Но пока Олег слушал линию, его эмпатия считывала самого Аркадия Валерьевича. Тот стоял чуть позади, и от него шла волна робкой надежды. Старик был нужен не столько работающий телефон, сколько живой человек, который побудет с ним в этой огромной, пустой трехкомнатной квартире хотя бы полчаса. Олег открыл распределительную коробку над дверью. Причина треска была банальной — контакты и провод окислились от времени и сырости. Он достал отвёртку, открутил винты и начал аккуратно зачищать медные пластины. — Вы физик? — негромко спросил Олег, чтобы заполнить тишину. — Да, сорок лет на кафедре в КГУ, — улыбнулся старик, и его ментальное поле мгновенно посветлело, вспыхнув чистой, детской радостью признания. — Изучал волновые процессы. Знаете, молодой человек, всё в мире — это волны. И мы с вами — лишь колебания определенной частоты. Олег на секунду замер с отвёрткой в руке. Эти слова отозвались внутри него странным резонансом. «Колебания определенной частоты...» — подумал он. — «Значит, я просто принимаю слишком много чужих частот». Он закончил работу, проверил линию — треск исчез, гудок стал идеально чистым. Профессор искренне, тепло поблагодарил его, и эта мягкая, интеллигентная благодарность легла на израненную утренним автобусом душу Олега прохладным компрессом. Ему даже не хотелось уходить из этой тихой квартиры. Но телефон в кармане безжалостно завибрировал — система «Домоники» обновила маршрутный лист. Вторая половина дня швырнула Олега на Вzlётку — в деловое сердце Красноярска, застроенное высотками из стекла и бетона. Офис крупного маркетингового агентства на двадцатом этаже сверкающего бизнес-центра встретил его оглушительным, ядовитым хаосом. Здесь оборвался магистральный интернет-кабель. Из-за этого парализовало работу тридцати человек. Едва Олег вошел в стеклянные двери, на него обрушилась звенящая, раскаленная стена «успешного успеха». Это был совершенно другой тип человеческой энергии — агрессивный, хищный, пропитанный адреналином, литрами кофе и паническим страхом не успеть, проиграть конкуренцию, сорвать дедлайн. — Наконец-то! Вы где ходите? У нас час нет сети, мы теряем миллионы! Лиды горят! — к нему тут же подскочила молодая девушка-NR в строгом костюме, но с абсолютно дикими, расширенными от паники глазами. От неё исходила такая мощная, вибрирующая волна истерики, что у Олега мгновенно заломило виски. Его стеклянная защита рухнула под этим напором. Внутри все заклокотало от чужого, искусственного ускорения. Вокруг него

бегали люди с ноутбуками, кто-то громко кричал в телефон, кто-то яростно стучал по клавиатуре, пытаясь раздать интернет со смартфона. Олег чувствовал этот офис как растревоженный улей, где каждая пчела была на грани нервного срыва. Этот плотный цифровой и ментальный шум буквально выжигал его изнутри. Ему казалось, что его мозг плавится от чужих амбиций, зависти, страха показаться некомпетентными и глухого раздражения друг на друга. — Где у вас серверная? — хрипло спросил Олег, пытаясь перекрыть этот ментальный гул. Девушка довела его до небольшой, изолированной комнаты в конце коридора. Олег зашел внутрь и с облегчением захлопнул за собой тяжелую дверь. Здесь, среди мерного, монотонного гула охлаждающих кулеров и мигания зеленых светодиодов на патч-панелях, ему стало чуть легче. Техника была честной. Она не испытывала эмоций. Ей было всё равно на «лиды» и «миллионы». Олег присел перед серверной стойкой. Проблема оказалась в порванном коннекторе на главном коммутаторе — кто-то из сотрудников, видимо, задел кабель ногой, когда убирал коробки. Олег достал кримпер, зачистил восьмижильный кабель «витой пары» и начал кропотливо укладывать тонкие цветные проводки в прозрачный пластиковый разъем. В этот момент за дверью серверной послышались глухие голоса. Олег не хотел слушать, но его эмпатия сама пробила стену. За дверью стоял тот самый молодой руководитель агентства, который только что громко отчитывал подчиненных. Сейчас, оставшись наедине с собой в темном коридоре, он буквально задыхался от подступающей панической атаки. Олег почувствовал его ледяной, липкий ужас: «Я не справляюсь. Я банкрот. Жена уйдет. Всё рушится». Этот контраст между внешней маской крутого лидера и внутренней полной разрухой был таким резким, что Олега обожгло сочувствием. Ему захотелось выйти, положить руку на плечо этого парня и сказать, что всё это — лишь временные колебания частоты. Но он знал, что правила «Домоники» и законы этого жестокого мира Взлётки не прощают такой слабости. Олег сжал коннектор инструментом до характерного щелчка и вставил его в порт роутера. Огоньки на панели бешено замигали, перекрашиваясь из тревожно-красного в спокойный зеленый. Сеть поднялась. За дверью тут же раздался дружный, ликующий вздох всего офиса. Олег собрал инструменты, вышел в коридор и молча прошел мимо сияющих, мгновенно успокоившихся сотрудников. Руководитель агентства уже снова стоял с гордо поднятой головой, отдавая приказы уверенным голосом. Олег спустился на лифте вниз, вышел на парковку и тяжело оперся спиной о холодную бетонную стену бизнес-центра. Его шатало. За один день он прожил тихую осень старой «сталинки» и ядовитое, бешеное лето цифровой высотки. Город забирал его силы по каплям, и Олег понимал: долго в таком режиме он не протянет. Его личный кабель был натянут до предела.

Абсолютный ноль

Этот вызов прилетел в систему «Домоники» в самый конец смены, когда солнце уже лениво тонуло за сопками правого берега, окрашивая Енисей в цвет остывающего чая. Адрес был на улице Капитанской — в Южном Берегу, престижном и подчеркнуто европейском микрорайоне, который вырос на месте старого судостроительного завода. Заявка выглядела странно. В графе «Описание неисправности» диспетчер Татьяна просто скопировала слова абонента: «Связь идеальная, но мне кажется, что кабель вибрирует неправильно. Нужна полная диагностика линии от щитка до роутера». Внизу стояла пометка: «Постоянный клиент. Особый статус. Оплачено по VIP-тарифу». Олег припарковал машину у аккуратного кирпичного дома с закрытым двором. На душе было муторно после дневного контраста между Проспектом Мира и Взлёткой. Он привычно приготовился к очередной встрече с чужим капризным эгоцентризмом — Южный Берег славился жильцами, которые требовали к себе повышенного внимания и транслировали в пространство плотную, сытую уверенность в собственной правоте. Он поднялся на четвертый этаж, подошел к массивной матовой двери квартиры № 42 и нажал на кнопку звонка. Дверь открылась почти сразу. На пороге стоял мужчина лет сорока пяти, среднего роста, в простой серой футболке и домашних штанах. Лицо у него было самым обычным, даже немного стертým, без каких-либо примечательных черт. — Здравствуйте. Олег, техник «Домоники», — привычно на выдохе произнес Олег, делая мысленный шаг назад и выставляя внутренний щит, чтобы принять первую волну чужого состояния. И тут произошло то, чего с Олегом не случалось никогда в жизни. Его ментальные радары, которые обычно мгновенно считывали человека еще до того, как тот успевал открыть рот, наткнулись на... абсолютную, звенящую пустоту. Олег замер. Из открытой квартиры не шло вообще ничего. Не было ни волн раздражения, ни скрытой тревоги, ни радости, ни усталости. Это не было похоже на холодную закрытость технического директора Коновалова, за которой прятался панический страх. Это не было похоже на ментальную блокировку или осознанную маску. Это был абсолютный ноль. Как будто перед Олегом стоял не живой человек, а манекен, или зеркало, отражающее лишь пустоту коридора. У Олега перехватило дыхание. От неожиданности и этого пугающего отсутствия частоты у него закружилась голова. Его эмпатия, привыкшая постоянно фильтровать гигантские потоки чужих эмоций, вдруг провалилась в вакуум. Это было пугающе и завораживающе одновременно. — Проходите, Олег. Я вас ждал, — спокойно сказал хозяин квартиры. Его голос был ровным, без единой интонационной шероховатости. — Меня зовут Вадим. Присаживайтесь, пожалуйста. Кофе, чай? Олег молча прошел в прихожую, чувствуя себя абсолютно голым. Когда ты сорок лет живешь без кожи, чужие эмоции становятся твоей одеждой, твоим ориентиром в пространстве. Сейчас этот ориентир исчез. Олег не понимал, как себя вести, потому что не знал, что этот человек чувствует по отношению к нему. Квартира Вадима была обставлена в стиле минимализма: белые стены, минимум мебели, никаких лишних деталей, фотографий или безделушек, которые могли бы рассказать о хозяине. Идеальный, стерильный порядок. — Так... что у вас с линией? — хрипло спросил Олег, присаживаясь на корточки у роутера в коридоре, просто чтобы скрыть свою растерянность и занять руки. — С линией всё в порядке в техническом плане, — Вадим облокотился о косяк двери, глядя на Олега спокойным, изучающим взглядом. — Скорость соответствует тарифу, пинг минимальный. Но я чувствую, что в кабеле, который заходит из вашего общего щитка, скопилось слишком много... шума. Он фонит, Олег. И этот фон мешает мне спать. Олег резко поднял голову. Провод витой пары был обычным пластиковым шнуром, с восьмью или четырьмя медными жилами по которому шли слабые электрические импульсы. Обычный человек физически не мог чувствовать его «фон». — Что вы имеете в виду под шумом? — Олег пристально посмотрел в глаза Вадима, пыта-

ясь сквозь зрачки нащупать хоть какую-то эмоциональную нить. Но там была лишь гладкая, непроницаемая гладь черной воды. — То же самое, что имеете в виду и вы, когда возвращаетесь вечером в свою пустую квартиру на Пашенном, — тихо, почти шепотом произнес Вадим. — Вы ведь тоже пытаетесь там оглохнуть, верно? Олег почувствовал, как по спине пробежал ледяной пот. Этот странный постоянный клиент «Домоники», которого он видел впервые в жизни, читал его как открытую книгу, оставаясь при этом абсолютно нечитаемым. — Вы... вы такой же? — вырвалось у Олега. Вадим мягко улыбнулся, но эта улыбка не отразилась в его эмоциональном поле — оно оставалось идеально ровным, как прямая линия на выключенном мониторе кардиографа. — Нет, Олег. Я не такой же, — ответил Вадим, делая шаг назад в глубь темной комнаты. — Вы — приемник, который включен на максимальную громкость и ловит все радиостанции этого несчастного города сразу. А я... я научился быть выключателем. И если вы хотите выжить в Красноярске, вам придется научиться тому же самому. Иначе этот город вас просто сожрет.

Слова Вадима повисли в стерильном воздухе квартиры мертвым, невесомым грузом. У Олега внутри всё кричало от желания развернуться и броситься к выходу — вакуум, окружавший этого человека, давил на его обостренное восприятие сильнее, чем самая яростная толпа в автобусе. Это было физически невыносимо, как внезапное падение давления в барокамере. — Я... я проверю распределительную коробку в подъезде, — хрипло выдавил Олег, поспешно собирая инструменты в сумку. Пальцы плохо слушались, металлические бокорезы с глухим стуком упали на паркет. Он быстро поднял их, не глядя на хозяина квартиры. — Конечно, Олег. Проверьте, — так же ровно ответил Вадим. Он даже не двинулся с места, продолжая стоять у косяка, словно безупречно выполненное изваяние. — Но вы ведь знаете, что дело не в коробке. Запишите мой личный номер. Он есть в вашей VIP-карточке клиента. Когда будете готовы научиться тишине — позвоните. Олег не ответил. Он почти выскочил за дверь, едва не хлопнув ею, и оказался на лестничной площадке Южного Берега. Здесь, среди привычных запахов дорогой штукатурки и легкого сквозняка из приоткрытого окна, он прислонился затылком к прохладной стене. Сердце колотилось в грудной клетке как сумасшедшее. Самое странное было в том, что этот ритм был его собственным — впервые за день он чувствовал свой личный, чистый страх, а не навязанную извне чужую панику. Экран рабочего смартфона в руке снова зажужжал, прерывая его мысли. Новая заявка в приложении «Домоники» загорелась ядовито-оранжевым цветом. Время — 19:40. Конец смены, но система безжалостно требовала закрыть последний на сегодня адрес. Олег заставил себя сфокусировать взгляд на экране. Улица Тамбовская. Самая окраина правого берега, серые промзоны у шинного завода. «Аналоговый телефон, сильные шумы на линии, обрывы связи». Фамилия абонента: «Семёнова А. И.». — Отлично, — тихо прошептал Олег, вытирая рукавом холодный пот со лба. — Из стерильного вакуума — прямо на Тамбовскую. Отличный контраст. Он быстро спустился во двор, сел в свою «Тойоту», которая к вечеру все же смиловилась и завелась, и резко нажал на газ. Ему нужно было двигаться. Нужно было забить голову привычной работой, механическими действиями, цветными проводками — чем угодно, лишь бы заглушить пугающий, звенящий голос Вадима, который до сих пор эхом отзывался в ушах. «Я научился быть выключателем...» Через двадцать минут машина Олега уже петляла среди мрачных, облупившихся трехэтажных домов послевоенной постройки в районе Тамбовской. Здесь Красноярск поворачивался своей самой жесткой, неприглядной стороной. Серая штукатурка, осыпающаяся со стен, ржавые решетки на окнах первых этажей, глухие заборы промзон, заросшие сухим бурьяном. Воздух здесь был горьким, с отчетливым привкусом жженой резины и угольной гари. Олег припарковался у обшарпанного подъезда дома № 7. Едва он заглушил мотор, на него плотным, липким саваном опустилась атмосфера этого места. Это была не ярость Взлётки и не благородная грусть центра. Здесь жила застарелая, беспросветная нищета и глухое, злое отчаяние

людей, которые давно перестали ждать от жизни чего-то хорошего. Он взял сумку, поднялся на второй этаж по разбитым бетонным ступеням и постучал в старую деревянную дверь, обитую потрескавшимся дерматином. Дверь со скрипом приоткрылась, удерживаемая ржавой цепочкой. Из темноты прихожей на Олега пахнуло лекарствами, старыми вещами и тяжелым, удушливым запахом корвалола. — Кто там? — раздался слабый, дребезжащий старческий голос.

— «Домоника». Техник по связи. Вы оставляли заявку на ремонт телефона, — мягко сказал Олег, стараясь говорить как можно спокойнее. Цепочка звякнула. Дверь открылась полностью, и Олег шагнул внутрь, мгновенно приготовившись к новому эмоциональному удару. Ему предстояло столкнуться с миром Алевтины Ивановны, и этот мир обещал быть очень тяжелым.

Тамбовская. На грани фола

Алевтина Ивановна оказалась крошечной, сгорбленной старушкой в застиранном байковом халате. Её блеклые, подернутые катарактой глаза смотрели на Олега с испугом. Но едва он переступил порог, его защитные барьеры пробила не её личная немоть, а концентрированная, едкая волна ужаса и безысходности, шедшая откуда-то из глубины квартиры. — Заходи, сынок, заходи быстрее, — зашептала она, трясущимися пальцами указывая в темноту коридора. — Телефон-то совсем взбесился. Шумит, трещит, а из трубки голоса какие-то страшные... Я уж и трогать его боюсь. Олег прошел в зал, совмещенный с крошечной кухней, и замер. Причина «голосов» и шума на линии стала понятна мгновенно. Телефонный провод, тянувшийся от плинтуса к старому дисковому аппарату, был грубо перерезан в двух местах и наспех смотан грязной изолянткой. Но гораздо хуже было другое. На диване посреди комнаты, окруженный пустыми бутылками из-под дешевого пива и чекушками, сидел мужчина лет тридцати пяти с тяжелым, опухшим лицом — внук старухи, Толик. От него разило перегаром, застарелым потом и яростной, дикой агрессией. Его ментальное поле буквально полыхало багровым цветом: это была смесь алкогольного психоза, уязвленной гордости и глухой, животной злобы на весь мир. — Че приперся? Кабельщик, мля... — процедил Толик, поднимая на Олега налитые кровью глаза. — Вали отсюда, пока цел. Не нужен нам никакой телефон. Бабка из ума выжила, в полицию на меня звонить собралась! Это я провод перерезал, и че ты мне сделаешь? Олег почувствовал, как чужая ярость ударила ему в грудь физической плотностью. Сердце забилося на чужой, бешеной частоте Толика. Руки задрожали от навязанного извне желания ударить, сломать, закричать. Это был критический уровень синестезии — эмпатия Олега перенимала чужую готовность к насилию. «Это не моё. Это его алкогольный бред», — судорожно забилося в голове у Олега. В этот момент слова Вадима об «абсолютном выключателе» вспыхнули в памяти с новой силой. Олегу отчаянно, до боли захотелось иметь этот чертов тумблер, чтобы просто погасить этот удушающий чужой гнев. — Толя, сынок, не трогай его, он же починить пришел... — плакала сзади Алевтина Ивановна, и её страх парализовал Олега, с другой стороны. Толик тяжело поднялся с дивана, покачиваясь, и сделал шаг к Олегу. В его руке тускло блеснул кухонный нож, которым он до этого, видимо, ковырял консервную банку. Ситуация на окраине Красноярска за секунду превратилась в смертельно опасную. Техник «Домоники» в форменной куртке стоял в полутемной квартире против пьяного мужчины с ножом. Олег закрыл глаза на долю секунды. Ему нельзя было отвечать агрессией на агрессию — если он впустит в себя этот гнев, они просто поубивают друг друга. Он сделал то единственное, что умел лучше всего: он зачерпнул из глубины своей памяти образ абсолютной, звенящей пустоты Вадима. Тот самый «абсолютный ноль». Олег мысленно попытался воспроизвести это состояние — стать зеркалом, стеной, вакуумом. Когда он открыл глаза, его взгляд изменился. Из него исчез страх. Исчезло осуждение. — Я пришел просто починить телефон вашей бабушке, — сказал Олег абсолютно спокойным, тихим и ровным голосом, в котором не было ни единой вибрации страха. Толик замер. Нападать на того, кто боится или злится — естественно для хищника. Но нападать на человека, от которого веет ледяным, неестественным спокойствием, было жутко. Алкогольный туман в голове Толика наткнулся на этот ментальный щит. Олег почувствовал, как волна чужой агрессии сначала споткнулась, а затем начала стремительно проседать, сменяясь пьяным, трусливым замешательством.

— Слышь... ты че такой дерзкий? — уже тише буркнул Толик, но нож опустил. — Я не дерзкий. Я просто делаю свою работу, — Олег сделал шаг вперед, мягко, но уверенно отстранил Толика плечом и присел перед телефонной розеткой у плинтуса. Пальцы Олега действовали на автомате. Он быстро срезал загаженные жилы, зачистил концы медного провода, скрутил и

заизолировал изолентой. По-хорошему нужно было заменить весь провод в квартире, но не в этот раз. Толик, дезориентированный этой странной, монолитной уверенностью мастера, лишь тяжело дышал за спиной, а затем молча рухнул обратно на диван, уставившись в потолок. Его багровая ярость перегорела в тупое, серое похмельное уныние. Олег поднял трубку старого телефона. Из динамика раздался чистый, ровный, спасительный гудок. — Все готово, Алевтина Ивановна. Телефон работает. Шума больше не будет, — тихо сказал Олег, поворачиваясь к старушке. Она смотрела на него как на чудотворца. От неё исходила такая теплая, дрожащая волна облегчения и благодарности, что Олега едва не захлестнуло слезами. Он быстро собрал инструменты, вежливо попрощался и вышел в душный, пахнущий кошками подъезд. Когда двери дома на Тамбовской захлопнулись за его спиной, Олега накрыл страшный откат. Его колени подогнулись, и он едва успел ухватиться за руль «Тойоты». Его трясло так, словно он только что вышел на сорокаградусный красноярский мороз в одной футболке. Он выжил. Он защитил старушку и себя. Но этот вызов показал: его дар стал смертельно опасен в этом диком, переполненном болью городе. Олег достал из кармана рабочий смартфон, открыл VIP-карточку Вадима и долго смотрел на одиннадцать цифр телефонного номера. Теперь он точно знал: времени у него больше нет. Ему нужен этот выключатель.

Эхо на линии

Утро следующего дня встретило Олега тяжелым ментальным похмельем. Каждое слово, каждый взгляд прохожих отзывались в его голове тупой, ноющей болью. Вчерашний вызов на Тамбовскую выжал его досуха. Его внутренние фильтры были сорваны. Окружающий мир казался слишком ярким, слишком громким и невыносимо близким. Когда Олег переступил порог головного офиса «Домоники», он сразу понял: в здании что-то произошло. Атмосфера в коридорах буквально искрила от паники. Менеджеры лихорадочно бегали между кабинетами с распечатками отчетов. Девочки из колл-центра испуганно перешептывались, втянув головы в плечи. У двери переговорной Олега перехватила Татьяна. Её лицо было бледным, а от ментального поля веяло таким леденящим ужасом, что Олега передернуло. — Олежа, ты пропал... — испуганно зашептала она, хватая его за рукав спецовки. — Коновалов с раннего утра рвет и мечет. Из Москвы проверка прилетела, а тут еще этот твой вчерашний VIP-клиент с Южного Берега... Ну, Вадим этот. — А что с ним? — сердце Олега пропустило удар. — Да бог его знает! Он ночью накатал официальную жалобу лично на имя генерального директора в Москву. Написал, что техник «Домоники» не доделал работу, проявил некомпетентность и сбежал, оставив линию «загрязненной». Коновалову уже прилетел такой выговор, что у него кресло шатается. Он сейчас тебя живьем съест! Олег почувствовал, как внутри него поднимается холодная волна досады. Вадим подставил его. Тот самый человек, который казался монолитом спокойствия, просто использовал систему, чтобы выдернуть Олега обратно к себе. — Коновалов Олег! В кабинет! Быстро! — из конца коридора раздался зычный, сорванный на фальцет голос технического директора. Коновалов стоял в дверях своего кабинета. Его безупречный галстук был съехавшим набок, верхняя пуговица рубашки расстегнута. От него шла такая мощная, удушливая волна растерянности, злобы и животного страха перед увольнением, что Олегу стало физически трудно дышать. Директор транслировал разрушительную, хаотичную энергию загнанного в угол зверя. — Ты что там устроил на Капитанской? — Коновалов с размаху хлопнул ладонью по столу, заставив подпрыгнуть органайзер с ручками. — Ты сообщаем, кто это такой? Это Вадим Печерский! Его инвестиционный фонд держит половину акций нашего красноярского филиала! Если он расторгнет VIP-договор, меня сотрут в порошок. А тебя... тебя я по статье уволю, волчий билет выпишу, ты в этом городе даже кабельщиком в подвал нестроишься! Олег молча смотрел на беснующегося начальника. Раньше этот крик уничтожил бы его. Но сегодня, после вчерашней вспышки «абсолютного нуля» на Тамбовской, Олег вдруг отчетливо увидел, как мелок и жалок этот кричащий мужчина. За его яростью скрывался маленький, испуганный мальчик, который дико боялся потерять свою статусную игрушку. — Чего ты молчишь? Что ты ему там наговорил? — продолжал давить Коновалов, тяжело дыша и вытирая пот со лба. — Я ничего ему не говорил, — спокойно, удерживая голос в самом низком регистре, ответил Олег. — Проблема была сложной. Я вернусь туда сегодня и всё исправлю. Коновалов на секунду осекся, подавившись собственной злостью. Спокойствие Олега подействовало на него как ушат холодной воды. Его ментальное поле дрогнуло, выдав короткую вспышку растерянности. — Чтобы в течение двух часов всё было сделано! — уже тише, но всё еще угрожающе процедил директор. — Печерский ждет тебя. Если он не ответит жалобу — пеняй на себя. Пошел вон.

Олег вышел на залитую ярким июльским солнцем парковку. На календаре был разгар лета 2026 года, Красноярск плавился от тридцатиградусной жары, и раскаленный асфальт отдавал душным, мазутным теплом. Олег сел в салон «Тойоты», но не стал заводить мотор. Он достал личный смартфон. Ему не нужно было искать номер — цифры Вадима Печерского будто выжглись на обратной стороне его век. Олег нажал кнопку вызова. Трубку сняли на вто-

ром гудке. В динамике воцарилась та самая зверская, абсолютная тишина, от которой у Олега заложило уши. — Вы подставили меня, Вадим, — без предисловий, глухо сказал Олег. — Зачем эта жалоба Коновалову? — Доброе утро, Олег, — ровный, лишенный каких-либо эмоций голос Вадима прозвучал так отчетливо, будто он сидел на соседнем пассажирском кресле. — Коновалов и его копеечные амбиции — это лишь шум. Белый шум, который мешает вам развиваться. Жалоба — это просто самый быстрый способ заставить систему вернуть вас в мою квартиру без лишних вопросов. Вы ведь попробовали вчера мой метод на Тамбовской, верно? Олег сжал руль до побеления суставов. — Откуда вы... — Я же сказал: я чувствую вибрации линии, Олег. И я почувствовал, как вчера вечером на окраине города одна очень грязная, багровая частота внезапно наткнулась на зеркало. Вы сделали это интуитивно, чтобы спасти свою жизнь. Но вы чуть не сожгли свой собственный приемник. Приезжайте. Время пришло. Я научу вас нажимать на выключатель осознанно. Вадим повесил трубку. Олег медленно опустил руку с телефоном. Город вокруг него продолжал бурлить, звенеть и давить миллионами чужих жизней, но теперь у Олега впервые за сорок лет появился четкий маршрут. Путь к собственной тишине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.